



Никита Брагин

г. Москва

ИЛЛЮЗИОН

Бергман

Ах, мистер Бергман, жизнь проходит
не наизусть, а навсегда,
трубят на рейде пароходы,
гремят по рельсам поезда.

На фоне праздничной Ривьеры
в полнеба плавится закат
и красит волны в цвет мадеры,
созревшей сотню лет назад.

А действие идет к финалу,
но не становятся новей
ни блиц огней, ни звон бокалов,
ни шелест пальмовых ветвей.

Ах, мистер Бергман, дух и тело
останутся, как ни смешно,
видением на чёрно-белом
экране старого кино.

На нём всё горестней и ближе
истории, которых нет
ни в Касабланке, ни в Париже,
ни в комнате, где гаснет свет.

И режиссёр уже не волен
спасти любовь, развеять грусть...
Кино подобно старой боли,
запечатлённой наизусть.

Дорога

Ты куда зовёшь меня, дальняя дорога,
ты зачем томишь меня, как напев цыгана?
Не горит шиповником сердце-недотрога,
но под камень прячется корешком калгана.

И куда ни еду я – всё одно и то же,
холод и безлюдие зимних перевалов,
где слова о будущем пресны и ничтожны,
а бывшее умерло, но не миновало...

Всё давно закончилось, отлетело песней,
обласкав проталины в леденцовом глянце;
но опять рыдаешь ты болью бестелесной,
на ветру пронзительном
спотыкаясь в танце.

Губ твоих дрожание –
бледность первоцвета,
и зимы дыхание – горький запах дыма...
На ветру да впроголодь не дожить до лета –
снегом осыпается наша пантомима.

Кутается облаком голос Джельсомины,
сердце задыхается – спой ещё немного!
Чёрно-белой ленточкой вьётся по долине
снежная мелодия, вечная дорога...

Пурпурная роза Каира

Наверное, образы, краски, цветы –
насмешка над немощной плотью,
блестящие фантики бедной мечты,
упавшие мне на лохмотья,
бессмысленный мусор, клочки мишуры,
потухший огонь карнавала,
косяшки и фишки наивной игры,
где я столько раз умирала,

и снова рождалась и, плача навзрыд,
спешила к тебе, мой любимый,
слезами смывая морщины обид,
и чад паровозного дыма,
и горькую пыль безоглядных дорог,
и тьму над бессонным вокзалом,
где звёзды ронял отдыхающий Бог,
мерцающая по небу кресалом...

А жизнь ковыляла кривою тропой,
и я просыпалась, больная,
чтоб в омуте дня, омертвело слепой
томиться, не видя, не зная
ни солнышка в небе, ни роз у окна,
ни кружева летних платанов...
Со мной только дома глухая стена
да хриплые выкрики пьяных.

Мой свет замурован в больной нищете,
в кольце между кухней и лавкой,
побои и брань я терплю в немоте,
как будто на горле удавка.
Здесь воздух пропитан отрыжкой пивной,
на стенах мерещатся черти,
а мысли и годы слились в перегнутой,
сочащийся запахом смерти...

Но вечер придёт, и начнётся кино,
и ты улыбнёшься с экрана,
и счастье, мелодией губ рождено,
прольётся слезой без обмана...
Любимый, услышь! Я стою у двери
из этого страшного мира!
Открой же её и к себе заведи
пурпурную розу Каира!

Головокружение

Между туч полуабрис ущербной луны...
Вздохи ветра, и сны,
что любовью больны,
угольки догоревшего чуда...
По излучинам сердца неслышно скользя,
проплывает печаль, и коснуться нельзя
той реки, что течёт ниоткуда...

Вспоминаю тебя и ищу – не такой,
что беспечно смеётся бегущей строкой
на бесстыжей мигалке экрана,
но осколками зеркала на мостовых,
где холодными всплесками слёз
дождевых
окольцована старая рана.

И не в силах найти, и не зная пути,
отрешённо шепчу – позабудь и прости,
отпусти неразлучницу-память

на извивы дорог, в лабиринт городов,
где закат воспалённый огнисто-бордов,
как пожара таёжного пламя.

Я глотаю удушливый страх высоты,
словно копать горящих клочков бересты,
и взбираюсь по ветхим ступеням;
и, по стенам сочась, леденеет роса,
и далёко-далёко поют голоса
всё сильнее и всё сокровенней...

Это просто – по жести и шиферу крыш
незаметно пройди – и навек замолчишь,
словно строчки в горящем конверте,
одеваясь огнём, на углях почернев,
и упав с высоты, и стремглав пролетев
краткий путь от неправды до смерти.

Гранд-Отель

Люди приезжают, люди уезжают,
но не происходит ровно ничего...
Чёрно-белой лентой жизнь бежит чужая,
и молчит сознание – не буди его...

Не буди надежду – танец твой окончен,
до конца свершилось то, что суждено;
телефон вибрирует всё наглей и звонче –
ты его не слышишь, ты глядишь в окно.

Эта суета вечернего Берлина,
блеянье клаксонов, мельтешенье лиц...
Это просто сон, прилипчивая глина,
на колёсах времени, вязнущих до спиц.

И чужая алчность, ненависть и похоть,
как неон рекламы, бьётся о стекло...
Ты её не видишь, поминая вздохом
свой последний поезд в Царское Село.

Лепесток России в каменном флаконе!
Что тебя спасёт? Любовь? Какой ценой?
Твой заветный жемчуг – слёзы на ладони
в суховейный полдень над землёй больной!

И шаги портье стрелой опережая,
мечется твой взгляд, не видя никого...
Люди приезжают, люди уезжают,
и не происходит ровно ничего.